

Л.Ю. БРОНЗИНО, М.И. ВИТКОВСКАЯ

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ФОНЕ КЛАССИЧЕСКОГО И ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ФЕМИНИЗМА

В современном обществе постепенно утрачивают свое первостепенное значение традиционные представления о женском и мужском, служившие основой для формирования межличностных и брачных отношений. На этой почве возникает множество проблем — как практических, связанных с формированием социальных стереотипов и базирующихся на них социальных отношений, так и теоретических, направленных на исследование гендерной идентичности. По мнению авторов, отчасти все эти проблемы порождены феминистским дискурсом. В статье критически рассматриваются трактовки гендерной идентичности, осмысленные в классическом и постмодернистском феминизме.

Ключевые слова: гендер, идентичность, феминизм, женское и мужское, гендерная перспектива.

...Я вообще не существует, точней, существует лишь непрерывная цепочка Я, всплывающих из будущего, вспыхивающих в настоящем и тонущих в прошедшем, и, следовательно, то, что называется его Я — просто-напросто собирательное название для всех Я, которые накопились в прошлом, постоянно прирастают числом в настоящем и погребаются сверху теми, что падают из будущего сквозь настоящее.

Дюрренматт Ф. Поручение, или О наблюдении за наблюдающим за наблюдателями

Классическая женская идентичность: «Новый мир не стал ни лучше, ни справедливее. Когда искоренили несправедливость, что-то другое явилось на ее место»¹

Придуманный мужчинами идеал женщины был не так уж плох: он включал в себя, в первую очередь, идею о принципиальном

Бронзино Любовь Юрьевна — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов.

Адрес: Москва, 127081, Миклухо-Маклая, д.11/1.

Электронная почта: lbronzino@gmail.com

Витковская Мария Ивановна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов.

Адрес: Москва, 127081, Миклухо-Маклая, д.11/1.

Электронная почта: vit_maria@rambler.ru

¹ *Дюрренматт Ф.* Поручение, или О наблюдении за наблюдающим за наблюдателями. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 76.

различии женщины и мужчины, дистанции, преодоление которой требовало серьезных усилий со стороны последнего. В результате женский образ формировался как нечто загадочное и недостижимое — в каждой из его ипостасей скрывался собственный смысл, нечто привлекательное и, безусловно, «нужное» либо лично мужчине, либо созданному им социальному миру.

Концептуализация такого подхода была весьма длительным процессом, происходящим под влиянием социальной практики, которая этим образом диктовалась, — и именно в ней проявилась его внутренняя противоречивость. С одной стороны, выступающая неотъемлемой чертой этого образа недостижимость предполагала определенную эфемерность и возвышенность. Однако конкретизируемая то ли в идеале прекрасной непорочной девы, ждущей своего единственного и неповторимого возлюбленного «тридцать лет и три года», то ли в образе женщины-матери, готовой пожертвовать всем ради своих детей, женщина оказывалась принципиально амбивалентной. Девичество становилось сказкой со счастливым концом лишь через замужество, а такая развязка однозначно указывает на то, что помыслы сторон изначально были «не до конца чистыми». Материнство же приобретает со времен первородного (женского, как известно) греха в крови и муках, да и непорочного зачатия истории известен лишь единственный случай. «Физиологическое» принижение образа женщины становится необходимым компонентом повседневной жизни, сакральное трансформируется в профанное культурной и обыденной практикой. Отсутствие рефлексии по поводу собственной далеко не всегда моральной жизни, есть, скорее всего, следствие того, что мужчины на святость никогда и не претендовали, считая адекватной заменой ей рациональность, трактуемую как способность сделать не только социально приемлемым, но и социально значимым вполне животное по сути поведение, если оно разумно ограничено нормативными требованиями.

Процесс осмысления статуса женщины носил не менее амбивалентный характер. До определенного момента истории женщина как специфический объект исследования вовсе не фигурировала, что объясняется довольно просто — любая рефлексивная деятельность оставалась привилегией мужчин, которые воспринимали сложившееся положение вещей как столь естественное, что ни малейшего сомнения, способного положить начало соответствующему познанию, не испытывали. Идеал продолжал жить в литературных и исторических мифах, ни мало не заботясь о своем несоответствии повседневной практике, демонстрируя стойкость всех оттенков смысла и социально-эротических перверсий: легенды превращались в стереотипы. В итоге о том, что с женщиной не все в порядке, мир узнал от самих

женщин. Их интерпретация априори была феминистской, то есть негативной и ориентированной «против» — социального положения, культурных установок, политических и экономических отличий, трактуемых в терминах дискриминации.

Идентификация женщины осуществлялась, разумеется, в соответствии с идеалом, который корректировался, но не уничтожался повсеместной практикой, совмещавшей поклонение с привычкой бить жену по воскресеньям — сразу после похода в церковь, в кабак или в бордель. Нормальной идентификационной практикой женщины было стремление к достижению счастливого замужнего статуса, поскольку его отсутствие собственно от мужчин не избавляло, но увеличивало вероятность оказаться в последнем из перечисленных мест их визитов.

Отсутствие идентификации (со времен К. Леви-Стросса) женщин с означающими в первобытных племенах трактуется как отсутствие означаемого (Ж. Лакан: женщина не означаается). Отсутствие означающего повсеместно практикуется и поныне в самом буквальном смысле слова: «...женщина может получить означающее только от мужчины — вначале отца, потом — супруга... это не разные, а одно и то же означающее, которое передается по мужской линии, от старшего мужчины к младшему (от тестя к зятю), а женщина прилагается к нему как бы “в придачу”» [5, с. 120].

Первое преимущество идеала заключалось в его безусловности: замужество, домашняя работа и рождение детей были его обязательными элементами и составляли практически полный список возможных идентификационных практик. Нынешняя ностальгия по утраченному идеалу есть в большой степени тоска по стабильности: небольшой выбор ролей не оставлял ни свободы, ни ответственности, но главное — четко фиксировал возможные жизненные стратегии: быть женщиной значило быть хорошей женой и хорошей матерью, воспитание коих и есть цель любого социализирующего воздействия на девочку. Отклонение от нормативно заданной «карьеры» воспринималось как девиация, расширение веера возможностей грозило социальной стигматизацией и изоляцией.

Сегодня удивляет не столько строгость идентификационных практик прошлого, сколько их не утраченная доселе актуальность. Возможностей ныне, конечно, стало больше — женщина получила все те сложности идентификации, связанные с трансформацией ценностно-нормативной сферы, которые определили «текучую современность». Но при этом, параллельно с выполнением ранее исключительно мужских ролей, она вовсе не избавилась от столь же строгой

необходимости соответствовать идеалу². В результате огромное количество «женских» гендерных исследований до сих пор раздражают «сильную» половину научного сообщества, а борьба с патриархатом продолжается: истребить его, как оказалась, невозможно политическими декларациями и самыми строгими законами о запрете дискриминации. И не только потому, что гендерные стереотипы поддерживают не желающие уступать свою власть мужчины, но и потому, что они соответствуют доминирующей поныне практике социальной идентификации большинства «освобожденных» женщин как Востока, так и Запада. В очередной раз убедившись, что разруха не в политике, а в головах, следует поискать соответствующее лекарство от «головной боли» — именно это составляет главную задачу феминисток, начиная с первых суфражисток.

Бунт «второго пола»: «легенда кончилась, началась заворушка»³

Последнее открытие было совершено не сразу и не вдруг: женщинам понадобилось немало времени, чтобы понять, что мужчины виноваты не во всем и не всегда. Начиналось все, конечно, с политики, ведь провозгласив сословное равенство, мужчины должны были рано или поздно логически заключить, что и в гендерном ущемлении прав воплощается социальная несправедливость. Краткая историческая справка прояснит, что и до сих пор нередко подозреваемые в «женской несостоятельности» суфражистки и феминистки боролись не зря: избирательное право для женщин на международном уровне было узаконено лишь в 1948 году⁴, а во многих странах «свободной» Европы еще долго продолжало отсутствовать. Особенно поражает в этом отношении Швейцария (частенько выступающая как воплощение русской мечты о справедливости), где до 1991 года существовал кантон, в котором женщины были лишены равных с мужчинами избирательных прав.

Правда, как свидетельствуют не решенные и пятьдесят лет спустя вопросы, дело было не только в формальном закреплении равных

² Ярче всего демонстрирует неисчерпаемый запас и стабильность гендерных стереотипов реклама, представляющая, как известно, актуальный легитимный дискурс конкретного общества: «Как правило, женщина подается следующим образом: либо как деталь кухонного интерьера и спальни, либо с бесчисленными стиральными порошками и средствами для чистки посуды, либо как соблазнительница, заигрывающая и искушающая, а мужчина как сексуальный охотник» [9].

³ *Дон-Аминадо*. Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. С. 177. (В подзаголовке сохранена орфография оригинала. — Л.Б., М.В.)

⁴ С принятием Межамериканской конвенции о закреплении политических прав женщин и Всеобщей декларации прав человека.

прав — эгалитаризм есть сущностно противоречивый процесс, истоки которого не только в патриархальной социальной организации, но и в восприятии женщины как Другой, «второго пола». Это проявляется в базовых философских и социальных дихотомиях (рациональное – иррациональное, добро – зло, активное – пассивное, истинное – ложное и т. д.): реальность здесь не важна, значимо лишь символическое маркирование женской вторичности, отождествляемой с отсутствием, недостатком. Процесс гендерной идентификации оказывается по определению неоконченным, поскольку может осуществляться только через реально идентифицирующегося и полноценного объекта — мужчину. З. Фрейд, придавший этой идее научное обоснование, стимулировал дискуссию о сложности женской идентичности и оказался в глазах феминисток главным виновником ее проблематичности: «Для феминистских теоретиков Фрейд виновен в том, что он считал женщин только формой мужчины, частной точкой зрения. Не будучи ни законодателями, ни создателями законов в этом обществе, женщины должны оставаться сущностно тихими, пассивными. Они низшие существа, не способные к выходу во внешний мир иначе, чем через мужскую силу — скипетр / фаллос» [11, р. 81].

В глазах феминисток истерия фрейдовской Доры / Иды была не столько результатом ее неадекватной идентификации из-за почти сериальных сексуальных отношений всех членов ее семьи, сколько естественным порождением буржуазной среды: Ида Бауэр оказалась и интеллектуально и чувственно-эротически выше обычной «девушки из хорошей семьи». Так состоялось одно из самых достойных открытий феминисток — классическая этика была не столько моралью, сколько морализаторством, определяя поведение на уровне этикета, а вовсе не этики.

Фрейд указал миру на важность бессознательного, но стал одним из основных «объектов» феминистской критики, потому что определял специфику женщины, основываясь на идее незыблемости установленных патриархальным порядком идентификационных практик. В то время как феминистки проникли в глубинные желания женщин и поняли причину их нереализуемости: «Женщины чувствуют себя приниженными, потому что требования, предъявляемые им обществом, действительно принижают их. В глубине души они хотят стать полноценными индивидами, свободными субъектами, располагающими своим будущим и всем миром» [7, с. 140]. Симона де Бовуар не только объяснила женщинам, почему именоваться «вторым полом» есть не достойное женщины следование стереотипу ее ущербности. Она собственным поведением легитимировала определенный образ жизни, показав, что писать философские книжки и

жить в «свободном браке» не зазорно и не маргинально. Не всякой женщине такое по плечу, но веер возможностей был обозначен, многообразие идентификационных практик, уже зафиксированное правовым образом, было закреплено теоретически и эмпирически.

Соблазн текучей современности и совращение идентичности

Казалось бы, пойти дальше классического феминизма (отнесем к нему для простоты дела и Симону де Бовуар), рассчитавшегося с мужчинами во всех областях — от политики до сексуальной сферы, — уже невозможно, но приход постмодернизма расстроил довольно стройную схему. Возникло общество, в котором устойчивость и стабильность — лишь недостижимые идеалы, а социальные нормы столь подвижны и изменчивы, что идентификация любого человека, будь то мужчина или женщина, становится не прерываемым ни на минуту процессом, тождественным по длительности самой жизни. Варианты ответа на вопрос «кто Я?», который должен был бы положить конец процессу поиска себя, слишком многочисленны. Не успевает еще интериоризироваться одна установка, как современному индивиду предлагают уже новую идентификационную цель. Правда цели от этого мельчают, идеалы профанируются — «быть» заменяется даже не на «иметь», а на «казаться», — но в результате формируется и соответствующий индивид. Он адаптируется к требованиям времени, считая социально и личностно значимыми каждую из своих многочисленных и краткосрочных масок. «Идентичность кажется фиксированной и твердой лишь при беглом осмотре извне. Какой бы твердостью она ни обладала, при рассмотрении изнутри, с точки собственного биографического опыта, она кажется хрупкой, уязвимой и постоянно раздираемой внутренними силами, раскрывающими ее текучесть, и внешними течениями, угрожающими разорвать на куски и унести любую воспринятую форму. Переживаемая, испытываемая идентичность может сохранять свою целостность только при помощи клея фантазии и, возможно, мечтаний» [1, с. 92].

У идентичности — ограниченный срок годности, зато она никогда не может быть окончательно сформировавшейся, оставаясь перманентно ущербной и незавершенной: «В мире, где намеренно нестабильные предметы являются сырым строительным материалом идентичности людей, которая по определению нестабильна, человек должен постоянно быть внимательным; но прежде всего он должен охранять свою гибкость и скорость реадаптации для быстрого следования изменяющимся паттернам “внешнего” мира» [1, с. 94]. Если Фрейд был прав, и женские истерики действительно случаются из-за

невозможности завершения процесса идентификации, то наступил великий момент сексуального равенства — человечество объединилось в универсальной истерии.

З. Бауман все же видит внешнюю «твердость» идентичности, Ж. Бодрийяр отказывает в устойчивости даже ее форме — телу, которое должно трансформироваться в соответствии с модой, преодолевать процесс старения, используя медицинские новинки, и демонстрировать успешность, заменяя вышедшие из строя детали-органы. Феминистская трактовка женской и мужской идентичности (даже в постмодернистском феминизме) Бодрийяра не устраивает, поскольку сохраняет представления о феминности и маскулинности как о равноправных, но разных концептах. Феминистки не видят принципиально трансгрессивной природы современной сексуальности и симулятивного характера автономности каждого из полов, в то время как «во вселенной соблазна от самоидентичности физиологически различных полов ничего не остается: здесь они вступают в игру, предполагающую их реверсивность. Поставив под сомнение тезис о том, что мужская сексуальность тождественна себе по самой своей природе, я сосредоточился именно на процессе мужского становления женского и женского становления мужского. И женское выступило для меня подрывом оппозиции мужского и женского как ценностной противоположности полов. Женское, на мой взгляд, — это то, что выходит за рамки их противостояния и, следовательно, в некотором смысле устраняет сексуальную идентичность» [2, с. 20–21].

Женщины взбунтовались и победили, но ровно в соответствии с пословицей: *за что боролись...* Полноценную идентичность они так и не могут обрести, хотя и по другим причинам — ее как таковой (неважно, женской или мужской) просто нет. Есть лишь иллюзорная свобода выбирать идентификацию любого пола (даже «третьего») и непрестанно пытаться ее зафиксировать через непрерывно меняющиеся, «ускользающие» знаки, которые невозможно ни закрепить, ни отрефлексировать, создав осмысленный «Я-образ». Причем для Бодрийяра это вовсе не самостоятельная проблема, а один из аспектов сформировавшегося лика современности, который еще не в полной мере нашел свое выражение в дискурсе науки, цепляющейся за установки классической рациональности: «Настала эпоха мышления, которое я склонен называть мышлением парадокса и соблазна — при условии, конечно, что введение в соблазн понимается не в смысле примитивного обольщения, а как акт, имеющий целью совратить идентичность, совратить бытие» [2, с. 56].

«Самоутопленница в тексте»⁵: текстовая деконструкция пола

Иные времена, иной подход, но женщина снова оказалась, во-первых, в роли совратительницы (как и прародительница всех женщин и всех грехов), а во-вторых, в роли «частного случая» некой универсальной реальности — неожиданный и феминистски-неприемлемый поворот событий.

Позволим себе некоторые хронологические вольности для прояснения теоретического контекста: от скрещения Фрейда и постмодернизма родился Ж. Лакан, и этот «французский Фрейд», как назвал его М. Фуко, и стал праотцом французского постмодернистского феминизма. Путь включал в себя движение «от сексуальной идентичности к речи и от низменного к морали» [6, с. 139].

Французская постмодернистски-феминистская концепция предлагает идею женской самоидентификации вне дискурса патриархальной системы, практика формирования идентичности тождественна практике письма: «Женщина должна писать...» [8, с. 799]. Используя постмодернистское представление о власти дискурса, можно попробовать заменить лозунг «Женщина должна осознать себя» набором инструкций, как этого осознания добиться (хотя и не столь ясных, как хотелось бы).

Известно, что самоидентификация женщины всегда осуществлялась не ею самой, а мужчинами, точнее созданным ими социальным механизмом, который был направлен на подавление женской индивидуальности. Это означает, что женщина не имела возможности осознать себя в качестве целостной автономной личности, обладающей независимостью в принятии решений относительно собственных действий и представлений о самой себе. Она всегда была вынуждена осмысливать себя как часть мужской идентичности. То есть женщины вообще не было, во всяком случае, типичной женщины — как некоего воплощения женственности и набора стандартов, в направлении которых должны осуществляться идентификационные процессы. Эти стандарты должны появиться тогда, когда будет написано множество женских текстов, содержащих описания индивидуального опыта. Тогда женская идентичность станет ясным конструктом, созданным самими женщинами и потому аутентичным.

Конструирование символической и социально-ролевой идентичности возможно через письмо, но базироваться оно должно на теле, которое следует перестать рассматривать как источник греха — оно создано для получения удовольствия. «Мужчины совершили страшнейшее преступление...» [8, с. 802], запретив идентификацию женщины

⁵ Название одной из глав книги О. Кирилловой «Серп холодной луны» [5].

через телесность, то есть в качестве существа, имеющего самостоятельное значение, а не как «не мужчины». Мужчины наградили женщину стыдом за любые (вполне, казалось бы, невинные), даже потенциально доступные ей проявления сексуальности. Особенно раздражает феминисток тот факт, что мужчины, в свою очередь, часто не чувствуют ни вины, ни стыда за то, что уж точно следует считать постыдным и греховным. А для женщин установили социально одобряемую норму, согласно которой ей следует отречься от собственно женской сексуальности, потому и возникает чувство вины у женщины тогда, когда ее сексуальность все же проявляется. Такова стандартная социальная санкция, свидетельство «ненормальности» женщины, маркированное в мужском социальном мире как девиация. При этом в таких обществах «позор занимает место высшей опасности или абсолютного зла... Ритуализация позора сопровождается сильной озабоченностью разделением полов, что означает: дать права мужчинам над женщинами. Последние, переведенные на положение пассивных объектов, тем не менее воспринимаются как хитрая “склочная колдовская” сила, от которой власть имущие должны защищаться» [6, с. 106].

Такие «преступления» совершаются мужчинами умышленно, потому что они стремятся организовать общество, которое считают разумным, и поклоняются Логосу (его феминистки традиционно отождествляют с фаллосом). Этот подход гарантирует мужчинам власть — и социально-экономическую, и сексуальную. Поскольку именно таков сложившийся на данный момент социальный порядок, то представить себе способы идентификации вне его достаточно сложно. Революции и бунты, которые казались раньше эффективным способом борьбы за права и должны были автоматически привести к формированию «новой женщины», провалились по той причине, что были частью мужского подхода. Это была борьба скорее «против» мужчин, чем «за» себя, то есть осознание женщиной самой себя не менялось, даже если ее наделяли в результате политическими или экономическими правами. Отсюда следует, что для идентификационных трансформаций был выбран не тот метод: нужно «писать женщину».

Письмо представляет собой способ формирования символических систем, определяющих, как было показано структурализмом и постструктурализмом, социальный порядок. Потому создать женское письмо означает сформировать новые социальные устои, в которых идентификация женщины будет осуществляться так, чтобы формировалась женщина сама по себе, а не женщина-тень или «слуга агрессивного мужчины» [8, с. 805].

Сложность здесь очевидна — предполагается создание нового способа символического формирования и осмысления реальности. К тому же женщина многообразна в своих проявлениях, потому столь сложно описать универсальную схему, пригодную для любой женщины. Более того, в нынешней культуре нет пока особого кода для этого описания, поскольку все имеющиеся коды⁶ порождены мужчинами и направлены на формирование идентификационных механизмов, поддерживающих существующий социальный порядок. Однако если с такой задачей справиться, то ориентация на личностное письмо может стать источником знаний об обществе, разрушив основания не только «мужского общества», но и «мужской истории», и «мужской науки». Изменив привычные представления о роли женщины в истории, можно продемонстрировать возможность иной логики осмысления исторического процесса в целом — вне застывших универсальных схем, унифицировавших все социальные явления как часть некой единой и логичной линии прогрессивного развития. «Кризис разума», признанный не только феминистками и представляющий собой одну из наиболее характерных черт современности, есть наглядное подтверждение тому, что такой подход имеет право на существование⁷.

При всей непроясненности механизмов идентификации и, главное, ее направленности, можно все же вычленивать два принципиальных момента, которые фиксируют предлагаемую постмодернистским феминизмом модель конструирования идентичности. Во-первых, женщина по-прежнему должна осознавать себя матерью, но не ориентироваться при этом на предписанную мужчинами роль, согласно которой женщина — лишь один из элементов системы «семья». В этой системе зафиксированы гендерные роли и традиционные представления о матери как продолжательнице «рода» (мужского изобретения, направленного на принуждение к деторождению и провоцирующего ощущение неполноценности у женщины, которая по каким-то причинам не имеет детей), когда «родившееся дитя производит на свет отца» [8, с. 817]. Небольшого психотерапевтического сеанса с мужчинами в роли пациентов достаточно, чтобы понять: они столь требовательны к женщинам, потому что в глубине души / подсознания испытывают страх перед исключительностью материнства, подвластного лишь женщине: «Архаический страх перед матерью оказывается страхом перед ее воспроизводительной силой. Именно эту опасную власть стремится покорить система родства по отцовской линии» [6, с. 113]. «Новая» женщина должна отказаться от принудительности и

⁶ Понятие «код» употребляется здесь в том значении, которое предлагал У. Эко [10].

⁷ Подробнее об этом: [3; 4].

осознать себя матерью не потому, что такова ее социально одобряемая функция, а потому, что она сама захотела родить и выносить ребенка.

Во-вторых, женщина создана для любви, но из этого не следует ее трактовка в терминах нехватки и жертвы. Она всегда ощущала себя любящей и дающей любовь, но это воспринималось мужчинами как дар, требующий отдачи, поскольку, согласно мужской логике, отдав часть себя, нельзя сохранить собственную целостность. Потому мужчина всегда трактует женщину в терминах обмена, а не дара, он мыслит в экономических категориях, которые столь хорошо соответствуют логике патриархата. Женщина же способна сохранить собственное «я», несмотря на потери и жертвы, потому что ее целостность включает в себя многообразие, ее «хаос-космос» включает «клику референтов». Экономические показатели, на которых, как правило, строит свою идентификацию мужчина, для женщины имеют второстепенное значение, поскольку «она растет внутри», совершенствуется эмоционально и психологически, и не нуждается для подтверждения идентификации во внешних проявлениях, «в отличие от мужчины, который столь привязан к своему имени и титулу» [8, с. 814].

Неизвестно, многие ли женщины смогли последовать совету «писать себя» и самоидентифицироваться через письмо, но для самой феминистски ориентированной литературы это стало, похоже, руководством к действию. Процесс сопровождался повышенным интересом к Лакану⁸, что обусловило и характер определяемой субъективности — она стала деконструированной. Кристевская женщина есть результат искажения символического порядка, нарушения порядка репрезентации, и не может не транслировать это искажение в процессе письма / говорения, которое должно осуществляться, чтобы сформировать деконструированного, но все же *субъекта* высказывания. «Со стороны своей идентичности, “я” может правдиво высказать только свой бред: свое гневное желание в его социальном аспекте. Со стороны третьего лица, которое пишет и которое не является моим семейным “я”, “я” превосходит, “я” перемещается, “я” больше не существует, поскольку край ночи остается без субъекта, без музыки и феерии... биография и танатография, бред и письмо — безусловно, различие существует, но оно никогда не бывает полным, и, как Янус, который избегает ловушки невозможной идентичности, тексты, романы или памфлеты представляют тоже два лица» [6, с. 209].

Феминизм в Россию пришел совсем недавно — и сразу кристевско-лакановское влияние проявило себя в полной мере. Показалось,

⁸ «Когда я прибыла в Париж, ... все ходили на семинары к Лакану на Rue d'Ulm», — пишет Ю. Кристева [6, с. 32].

что лучший способ «писать себя» — это женщинам писать о женщинах. Выяснилось, что привычная предметно-обыденная действительность современного российского общества (переполненная, как известно, парадоксами пересечения советской и современной западной символики) не хуже классической западной подходит для анализа в духе Лакана. О. Кириллова тоже ходила на семинары — но уже о Лакане и значительно позже, потому читает «по Лакану» многочисленные женские образы массовой постсоветской культуры. В ее книге [5] не обозначена ни исключительная ориентация на советское культурное пространство, ни собственно феминизм как теоретическая либо идеологическая канва предпочтений исследовательницы (много там опять-таки от Лакана), но и то и другое прочитывается из контекста, который перенасыщен специфическими коннотациями, возможными лишь в конкретной культурной среде. Нельзя с уверенностью сказать, что такая трактовка понравится самому автору, но она, кажется, «пишет себя» так, как проповедовали Э. Сиксу и Ю. Кристева. Деконструируя женское в образах-символах принципиально разных по форме, содержанию и даже географии (от памятника «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане до повести о Мэри Поппинс), Кириллова обнаруживает базовые элементы конструкта женской субъективности и полюса бинарной оппозиции девы-матери. К последним относятся «материнское супер-эго», девичество и невинность. Объединяет эти образы⁹ ярко выраженная связь с историческим контекстом советского времени, на излете которого, по-видимому, социализировалась и осваивала идентификационные практики сама автор. Любопытны в тексте не только проанализированные в лакановском духе через принципы «означивания, холода, места и текста» знаковые системы, хотя и они заслуживают внимания. Интереснее то, что они выступают как носители архетипов «среднестатистического постсоветского субъекта», ярко выраженного гендерного аспекта которого автор не замечает, но в тексте демонстрирует.

Пропитавшись западной интеллектуальной атмосферой, уже не среднестатистическая, а просвещенная по западному образцу постсоветская женщина чувствует себя свободной, способной зафиксировать «плавающие означающие» массовых стереотипов в манере слегка циничной и раскованной. Например: «“Неизвестная” интересна тем, что является идеальным репрезентантом той культурной традиции, которая была изначально отвергнута, в той культуре, где

⁹ Даже не всегда буквально женские, но с учетом установленной женской амбивалентности это уже не важно; Винни Пух — один из любимых героев постмодернистов и психоаналитиков — тоже, добавим, подходит для анализа.

она является, по сути, инородным телом, но в которую она только и вписана по-настоящему как *идеализированный образ одухотворенной женственности*» [5, с. 10]. За нагромождением лакановских и прочих психоаналитических и постмодернистских терминов проступает неискоренимый романтик, феминистка, но совершенно особая — не воюющая с мужчинами и не отстаивающая себя всеми силами, а наблюдающая за происходящим и ждущая, когда, наконец, можно будет перестать быть феминисткой, «сильной женщиной» и «прилепиться», как завещал не Лакан, а Господь, к своему возлюбленному. Автор «восстанавливает» (в смысле Сиксу) собственную речь, формирует женский дискурс через набор стандартизированных массовой культурой образов и, деконструируя их, «пишет себя», пытаясь восстановить утраченную субъективность, превращаясь в ту самую «проекцию, которой стремился представить ее Лакан. По сути, это признак истеризации, вынуждающей субъекта безостановочно и судорожно транслировать дискурс Другого сквозь незаживающее зияние в собственной субъективности» [5, с. 144]. В этом смысле книга Кирилловой — занятный и значимый прецедент/симптом.

«Я не могу принять сторону, я не знаю никого, кто не прав»¹⁰

Размышления, даже такого эссеистического плана, требуют резюме и набора выводов, в данном случае — относительно того, что представляет собой и как формируется гендерная/женская идентичность сегодня. Однако похоже, что именно отсутствие самой возможности единого ответа на вопрос о «проблеме идентичности» (и в теоретическом, и в практическом смысле слова) определяет множество решений, среди которых сложно найти не только единственно верное, но и просто магистральное или условно приемлемое.

В классическом способе осмысления гендерной идентичности (заклейменном в последствии как патриархальный) имелась развернутая система идентификационных практик, необходимых для поддержания существования общества определенного типа. В нем мало внимания уделялось собственно женщине и ее «я», но имелась ориентация на своеобразную правду жизни. Такая практическая и социальная значимость компенсировала в определенной мере недостатки традиционных идентификационных практик, фиксирующих подчиненное положение женщины.

Классический феминизм активно участвовал в решении политико-правовых и экономических проблем женской половины человечества — и в этом смысле нельзя не признать его заслуг. Одновременно, тем не менее, с его подачи образ современной женщины

¹⁰ Строка из песни Б. Гребенщикова.

трансформировался не в лучшую сторону: феминистки подпортили репутацию и себе, и не корректно отождествляющимися с ними «self-made women». Последние обрели в традиционно консервативном массовом сознании не слишком привлекательные черты: под деловым костюмом (разумеется, свидетельством маскулинизации) разглядели нелегкий выбор и личную жизнь, принесенную в жертву ради карьеры. Этот выбор призван скрывать скверный (мужской, опять-таки) характер, моральную амбивалентность и сексуальную распущенность.

Постмодернистские феминистки как отдельное явление для массового сознания не существуют, но и для рафинированного научного они выглядят экзотично: они пишут и говорят слишком абстрактно и слишком откровенно, они многословны и не привыкли ясно выражаться. Даже тот, кто сумел понять, что они на самом деле хотели сказать, не может быть уверен, что предлагаемый ими способ идентификации реален, а не есть литературный вымысел, «эго-дискурс», нужный, чтобы «писать себя» навечно потерявшемуся в дебрях озабоченных автору.

Российской версии постфеминизма верится еще меньше — не стерлись в памяти специфически советские женские ролевые идеалы: женщина с веслом, женщина-тракторист, женщина-сталеваар. Образ «леди в оранжевом жилете» (шпалоукладчица) будоражит воображение еще и своей актуальностью: в свободное от основной работы время она растит детей и обихаживает мужа — добытчика и кормильца. «Неженское лицо» советской женщины способно навеки отратить от любого феминизма: пусть уж лучше процветает гендерное неравенство, при котором, по крайней мере, есть ясное деление на мужскую и женскую сферы деятельности. Но поскольку сказать об этом нынче могут лишь не отягощенные рефлексивностью СМИ, «интеллектуально ориентированной» женщине приходится обращаться к завораживающему красотой дискурсивной игры опыту западных постмодернистских феминисток. Все равно это — только для собственного социального и интеллектуального роста, потому что если тут и найдешь себя, то предпочтешь никому об этом не говорить.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бауман З.* Текучая современность: Пер с англ. / Под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
2. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр; Пер. с франц. Н.В. Сулова. Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
3. *Бронзино Л.Ю.* Неклассические социологические теории и неклассическая рациональность. М.: РУДН, 2010.
4. *Бронзино Л.Ю.* Классическая и неклассическая рациональность в социальном познании: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2010. № 1. С. 54–63.

5. Кириллова О. Серп холодной луны: реконструкция моделей чувственности. СПб.: Алетейя, 2010.
6. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении / Пер. с франц. А. Костиковой. СПб.: Алетейя, 2003.
7. Сартр Ж.-П., Бовуар С. де Аллюзия любви / [Пер. с франц. В. Колядко, А. Сабашникова, И. Малахова, Е. Орлова]. М.: Алгоритм, 2008.
8. Сиксу Э. Хохот Медузы // Введение в гендерные исследования. Часть II: Хрестоматия / ЦХГИ. СПб.: Алетейя, 2001. С. 799–821.
9. Скорнякова С.С. Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации // Актуальные проблемы теории коммуникации: Сборник научных трудов. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 225–231 [электронный ресурс]. Дата обращения 11.02.2011. URL: <http://www.russcomm.ru/rca_biblio/s/skornyakova.shtml>.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. А.Г. Погоняйло и В.Г. Резник. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.
11. Lamont R.C. The reverse side of a portrait: The Dora of Freud and Cixous // Feminine focus. The new women playwrights. New York, Oxford: Oxford University Press, 1989.